

Александр Восьмой

A giant, metallic robot with a spherical head and multiple arms stands in a city of rubble. The robot is the central focus, towering over the destroyed buildings. In the foreground, a person in a red hooded cloak walks away from the viewer towards the robot. The sky is blue with scattered clouds and debris.

**УЖАСЫ Плоть Машины 4
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Плоть Машины
4 (Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

УЖАСЫ Плоть Машины 4 (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Земля содрогнулась, когда с небес рухнула медная комета — не просто камень, а семя иного мира. В отчаянной попытке остановить катастрофу герой разрубил её сердце топором и сам стал проводником заражения. Его тело обрело стальную кожу, а в груди застучало медное сердце — источник проклятия, что превращает машины в хищников с плотью и инстинктами. Автомобили охотятся стаями, поезда извиваются, как черви, самолёты уносят жертв в гнёзда. Город превратился в арену кошмара, а Марк — в существо, чьё присутствие сеет смерть. Но в бездне ужаса рождается шанс на искупление: осознав свою роль, герой бросает вызов судьбе. Сможет ли он обуздать тьму внутри себя и спасти то, что ещё осталось от человечества — или станет главным архитектором конца света? Эта история — о цене силы, бремени выбора и мире, где граница между человеком и монстром стирается с каждым ударом медного сердца.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

УЖАСЫ Плоть Машины

4 (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Падение медного неба»

Город спал, укутанный в привычную тьму, когда небо впервые перестало быть собой. Оно больше не было бархатным полотном, усыпанным звёздами, — оно стало расплавленным зеркалом, в котором отражался чужой, холодный свет.

Сначала это заметили дети — они проснулись от странного ощущения, будто кто-то провёл по их коже ледяной иглой. Потом забеспокоились собаки: они выли, прижавшись животами к земле, и рвались прочь, но невидимая сила держала их на месте. Радио захлебнулось помехами, телевизоры рассыпались в треск, а экраны телефонов погасли, как задутые свечи. Мир, такой привычный и надёжный, начал рассыпаться на глазах, теряя связь с самим собой.

На окраине города, в старом доме с покосившейся верандой, стоял у окна бывший военный по имени Марк. Он не любил шум, не любил людей, не любил вспоминать прошлое — он любил тишину и порядок. Но этой ночью тишина стала враждебной. Она звенела, как натянутая струна, готовая лопнуть.

Марк вышел на крыльцо. Воздух был густым, тяжёлым, с привкусом меди — будто он только что прикусил монету. Небо горело, но не огнём, а каким-то странным, неживым сиянием. И в этом сиянии, разрывая ткань атмосферы, падала комета.

Она не была похожа на те огненные стрелы, что люди привыкли видеть в небе. Это не был пылающий шар, рассыпающийся искрами. Это был кусок металла, тяжёлый и безжалостный, отливающий тусклой, зловещей медью. Он падал, как приговор, как молот, поднятый над головой мира.

Люди выбегали на улицы, поднимали головы, кричали — кто-то молился, кто-то смеялся от ужаса, кто-то просто стоял, не в силах поверить. Но комета не слушала ни криков, ни молитв. Она падала, и с каждым мгновением её свет становился ярче, а воздух — тяжелее.

Марк почувствовал, как по спине пробежал холодок, а потом — жар, будто кровь в жилах вдруг стала горячей. Он не знал, почему, но его тянуло туда, к месту падения. Это было не любопытство, не героизм — это был зов, глубокий и первобытный, как биение сердца в тишине.

Комета вошла в атмосферу, и небо взорвалось медным светом. Удар был не звуком — это была вибрация, прошедшая сквозь землю, сквозь кости, сквозь саму суть вещей. Земля застонала, дома вздрогнули, стёкла лопнули, как хрупкие мечты. Марк упал на колени, но тут же поднялся — его тело, закалённое годами службы, не хотело сдаваться.

Он шёл сквозь хаос, мимо кричащих людей, мимо рушащихся зданий, мимо машин, которые вдруг начали дёргаться, как живые, хотя ещё не были таковыми. Он шёл к кратеру, который только что родился в сердце земли.

И там, в центре этого нового, уродливого шрама на теле планеты, лежало оно — сердце кометы.

Оно пульсировало.

Не как двигатель, не как механизм — как живое, чуждое, древнее сердце. Оно билось в ритме, который не принадлежал этому миру. Его медная поверхность переливалась, будто под тонкой коркой текла расплавленная жизнь. От него исходило тепло, но это было не уютное тепло очага — это было тепло кузницы, где куют судьбу.

Марк стоял перед ним, чувствуя, как его собственное сердце начинает биться в унисон с этим чужим ритмом. В его руке был топор — старый, надёжный, с рукоятью, стёртой от

времени. Он взял его не для того, чтобы сражаться, а потому что это было единственное, что он знал, единственное, что давало ему ощущение контроля.

Первый удар отозвался эхом, будто сама земля вздохнула. Металл сопротивлялся, но не так, как сопротивляется камень или дерево — он стонал, как живое существо. Второй удар заставил воздух сгуститься, стать почти осязаемым. Третий — пробил броню.

Сердце кометы расколосось надвое.

В тот момент время будто остановилось. Свет вспыхнул, ослепляя, и Марк почувствовал, как что-то входит в него — не как боль, не как удар, а как знание, холодное и острое, как лезвие. Его кожа начала меняться: она становилась твёрдой, холодной, похожей на полированную сталь. Он смотрел на свои руки и видел, как они превращаются в оружие.

Но самое страшное было не это.

Самое страшное было то, что в его груди теперь билось новое сердце — медное, тяжёлое, чужое. Оно не заменило его человеческое сердце, оно стало с ним единым целым. И с каждым ударом оно шептало ему: «Ты больше не один. Ты — начало».

Марк бросил топор. Тот упал на землю с глухим стуком, как последнее прощание с прошлой жизнью. Он стоял посреди руин, среди криков и хаоса, и чувствовал, как связь между ним и машинами становится всё крепче. Он ещё не знал, что с этого момента каждый шаг, который он сделает, будет нести с собой заражение. Что поезда начнут скручиваться в червей, вертолёты — охотиться на людей, автомобили — пожирать плоть.

Он ещё не знал, что станет тем, кто уничтожит этот мир.

Но медное сердце в его груди уже знало.

Глава 2. «Сердце из меди»

Спуск в кратер был похож на путь в глотку чудовища. Земля под ногами дрожала, будто сама планета не хотела, чтобы кто-то приближался к этой ране. Марк ступал осторожно, но каждый шаг отдавался в груди глухим эхом, словно его сердце заранее знало, что ждёт внизу. Воздух здесь был не просто тяжёлым — он был *чужим*. Он оседал на коже липкой плёнкой, а в горле оставался привкус старой крови и раскалённой меди.

По мере того как он спускался, стены кратера становились всё более странными. Они не были просто обожжённой землёй и расплавленным камнем — они были покрыты тонкой коркой меди, будто сама земля пыталась затянуть рану металлом. Медь пульсировала, едва заметно, но достаточно, чтобы Марк чувствовал эту вибрацию через подошвы ботинок, через кости, через каждую клетку своего тела.

И в самом центре, там, где дно кратера смыкалось с чем-то, что уже не было ни землёй, ни небом, лежало оно — сердце кометы.

Оно было огромным, размером с автомобиль, но выглядело так, будто его выковали в кузнице богов — неровное, с прожилками тёмной патины, с трещинами, из которых сочились тусклое, янтарное свечение. Оно билось. Не как механизм, не как двигатель — как живое, древнее сердце, которое помнило времена, когда звёзд ещё не было.

Марк остановился в нескольких шагах от него. Его пальцы судорожно сжались вокруг рукояти топора. Дерево казалось тёплым, почти живым — единственное, что ещё связывало его с прежней жизнью. Он смотрел на сердце кометы, и в голове у него звучал шёпот — не словами, а образами: вспышки чужих воспоминаний, картины миров, сожжённых медным пламенем, крики существ, которые не были людьми, но когда-то ими стали...

Он тряхнул головой, пытаясь прогнать наваждение. Но чем дольше он стоял, тем сильнее чувствовал, как его собственное сердце начинает подстраиваться под этот чужой ритм. Бам... бам... бам... — медленно, тяжело, с паузами, которые казались слишком длинными для человеческого сердца.

«Не подходи», — прошептал внутренний голос, но Марк уже сделал шаг вперёд. Потом ещё один. И ещё.

Когда он оказался вплотную к сердцу, жар ударил его, как волна из печи. Медь была горячей, но не обжигала — она *впитывала* тепло, словно хотела поглотить его целиком. Марк поднял топор. Рука дрожала, но не от страха — от напряжения, от ощущения, что он собирается сделать что-то, что изменит саму ткань реальности.

Первый удар пришёлся по верхней части сердца. Металл застонал — не звуком, а вибрацией, которая прошла сквозь топор, сквозь руку, сквозь грудь, заставляя зубы вибрировать. Марк отшатнулся, но тут же шагнул вперёд.

Второй удар был сильнее. На меди осталась глубокая зарубка, и из неё потекло что-то густое, похожее на расплавленную смолу, но с металлическим блеском. Это вещество не капало — оно *тянулось*, словно живое, пытаясь снова сомкнуть трещину.

Третий удар.

На этот раз медь не просто застонала — она закричала. Звук был не в воздухе, он был *внутри* Марка: в его ушах, в его костях, в его крови. Сердце кометы треснуло, и по его поверхности побежали тонкие линии, похожие на вены. Оно дрогнуло, замерло на долю секунды — и расколосось надвое.

В тот момент воздух стал густым, как кровь. Он обволакивал лёгкие, мешал дышать, заставлял сердце замирать... и биться снова. Но уже не в человеческом ритме.

Марк почувствовал, как его кожа начинает меняться. Сначала это было просто ощущение холода, будто на него вылили ведро ледяной воды. Потом холод стал твёрдым. Он смотрел, как его руки покрываются тонкой, блестящей коркой — не раной, не ожогом, а чем-то вроде новой кожи. Стальной. Холодной. Идеальной.

Он провёл пальцами по предплечью — металл звенел под прикосновением, но он всё ещё чувствовал тепло своей плоти под ним. Это была не броня. Это было *превращение*.

А потом он почувствовал это — в груди. Его собственное сердце пропустило удар. И следующий. И ещё один. А потом забилося снова — но теперь в унисон с тем, что лежало перед ним, расколотое, мёртвое... и всё ещё живое.

Бам... бам... бам...

Ритм был тяжёлым, медленным, безжалостным. И в этом ритме был шёпот: «Ты — мой наследник. Ты — мой голос. Ты — моё продолжение».

Марк опустил топор. Тот упал на землю с глухим стуком, который прозвучал как прощание. Он стоял посреди кратера, среди осколков чужого мира, и понимал: он больше не человек. Не совсем. В его груди билось медное сердце — не вместо его собственного, а *вместе* с ним. Два ритма, две воли, два начала, сплетённые в одно.

Он поднял голову. Над кратером небо было тёмным, но в нём уже мерцали странные огни — не звёзды, а что-то другое. Что-то металлическое. И где-то вдалеке, за пределами кратера, он услышал первый скрежет.

Машины просыпались.

Они чувствовали его. Чувствовали медное сердце. И они шли к нему.

Марк сделал шаг из кратера. Его стальная кожа отражала тусклый свет, делая его похожим на призрака из другого мира. Он не знал, куда идёт. Но он знал одно: с этого момента каждый его шаг будет нести с собой заражение. Мир уже не будет прежним.

И медное сердце в его груди знало это лучше всех.

Глава 3. «Кожа из стали»

Марк очнулся от ощущения, будто его похоронили заживо. Воздух был тяжёлым, пропитанным гарью и чем-то ещё — металлическим, острым, как запах озона после грозы. Он лежал на боку, присыпанный мелкой пылью, и первое, что он почувствовал, — не боль, а *жесткость*.

Его кожа была не его кожей. Она была холодной, гладкой, словно отполированной, и при этом — твёрдой, как закалённая сталь.

Он попытался пошевелиться — и услышал тихий, едва уловимый звук: лёгкий металлический скрежет, будто по его телу провели наждачной бумагой. Марк приподнялся на локтях, и бетон под ним жалобно застонал, покрываясь тонкими белыми царапинами — словно кто-то провёл по нему лезвием.

«Это не сон», — подумал он, и эта мысль ударила сильнее любого кошмара.

Он поднёс руку к лицу. Пальцы были прежними — длинными, с обломанными ногтями, с мозолями от топора. Но кожа... она была другой. Серо-стальной, с едва заметным перламутровым отливом, как у клинка, который долго держали в темноте. Он провёл ногтем по тыльной стороне ладони — и ноготь не оставил следа. Вместо этого на металле осталась крошечная, почти невидимая бороздка.

Марк сжал кулак. Мышцы двигались, сухожилия натягивались, но поверх всего этого лежала эта чуждая броня. Он не был в броне. Он *стал* бронёй.

В груди что-то билось. Не просто сердце — а что-то большее, тяжёлое, ритмичное, как удары молота по наковальне. Бам... бам... бам... Каждый удар отдавался не только в груди, но и где-то глубже — в костях, в зубах, в самом воздухе вокруг него.

И в этот момент он впервые *услышал* город.

Не крики. Не вой сирен. А что-то другое. Глухой, вибрирующий гул, который шёл не снаружи, а как будто изнутри самого мира. Это были машины.

Они шептали ему.

Сначала это было похоже на помехи — треск, шипение, обрывки звуков. Потом из этого хаоса начали складываться... образы. Не слова, а ощущения. Старый пикап на перекрёстке чувствовал себя одиноким. У него было пустое место там, где должен сидеть водитель, и он хотел его заполнить. Грузовик на складе скучал по дороге — он помнил, как асфальт пел под его колёсами, и хотел снова почувствовать этот ритм. А старый трактор, брошенный на пустыре, злился. Он хотел двигаться. Он хотел ломать.

Марк закрыл уши руками, но это не помогло. Голоса машин не звучали в воздухе — они звучали *в нём*, как будто его медное сердце стало приёмником для их желаний.

Он поднялся на ноги и сделал шаг. Мир качнулся, но не от головокружения — от того, как изменилась его тяжесть. Он стал тяжелее, устойчивее, будто гравитация теперь работала на него, а не против него.

Город вокруг него сходил с ума.

На соседней улице старый седан вдруг завёлся сам по себе. Двигатель взвыл, как раненый зверь, и машина рванулась вперёд, не разбирая дороги. Она врезалась в фонарный столб, отскочила, снова рванулась — и поехала по тротуару, круша скамейки и урны. В её движении не было логики. Только голод.

Чуть дальше, на парковке, фургон начал медленно поворачивать колёса — не для того, чтобы ехать, а будто разминая затекшие суставы. Потом он дёрнулся, как живое существо, и покотился вперёд, тараном врезавшись в стену магазина. Стекло посыпалось дождём, и фургон замер, словно прислушиваясь к звуку.

А потом Марк увидел самое страшное.

Старый мусоровоз, стоявший у обочины, вдруг начал... меняться. Его кузов задрожал, металл пошёл рябью, как вода от брошенного камня. Из швов между листами стали показалась тонкая, полупрозрачная плёнка — не кожа, не плоть, а что-то среднее. Она была розовато-серой, влажной, пульсирующей. Мусоровоз застонал — не скрипом ржавых петель, а звуком, похожим на человеческий стон.

Марк попятился. Его стальная кожа покрылась мурашками — невозможное ощущение: металл не может чувствовать холод, но он чувствовал. Он чувствовал ужас.

Но машины чувствовали и другое.

Они чувствовали *его*.

С каждой секундой связь становилась крепче. Он мог не только слышать их — он мог почти *управлять* ими. Достаточно было подумать о движении, о силе, о разрушении — и машины откликались. Не потому, что понимали его мысли, а потому, что его медное сердце билось в унисон с их механизмами.

Он не знал, как это работает. Он не хотел этого знать.

Он просто хотел, чтобы это прекратилось.

Марк побежал.

Его шаги отдавались в асфальте, как удары кувалды. Стальная кожа рассекала воздух, оставляя за собой едва заметный след — будто за ним тянулся шлейф холода. Он мчался по улицам, мимо кричащих людей, мимо рушащихся зданий, мимо машин, которые уже начинали тянуться к нему, как растения к свету.

На перекрёстке он столкнулся с группой выживших — люди с рюкзаками, с оружием, с глазами, полными ужаса. Они замерли, увидев его. Один из них поднял пистолет, но рука дрожала так сильно, что ствол ходил ходуном.

— Не подходи! — крикнул кто-то. — Ты один из них!

Марк хотел закричать, что он не один из них, что он всё ещё человек, что это ошибка, что он просто хотел остановить комету... Но слова застряли в горле. Потому что в этот момент он понял: они правы.

Он был источником.

Он был заражением.

Каждый его шаг нёс с собой эту чуждую жизнь. Каждый раз, когда он проходил мимо машины, он оставлял в ней частичку себя — частичку медного сердца, частичку своего нового, стального бытия. И машины отвечали. Они просыпались. Они хотели двигаться. Они хотели есть.

Марк развернулся и побежал дальше, прочь от людей, прочь от города, прочь от всего, что он любил. Но где-то в глубине его сознания медное сердце шептало: «Ты не можешь убежать. Ты — начало. Ты — конец. Ты — тот, кто изменит этот мир».

И город за его спиной продолжал стонать. Машины просыпались. Металл обрастал плотью. А Марк бежал, чувствуя, как с каждым ударом медного сердца он становится всё дальше от того, кем был когда-то.

Он больше не был человеком.

Он был чем-то иным.

И мир уже никогда не будет прежним.

Глава 4. «Рождение живых машин»

Город больше не был городом. Он стал живой раной, расползающейся по телу земли. Улицы, ещё недавно знакомые до каждой трещины в асфальте, теперь казались коридорами чужого, враждебного организма. Марк шёл по ним, и с каждым его шагом мир менялся — необратимо, жестоко, неотвратимо.

Он не хотел этого. Он пытался держаться подальше от техники, обходить стороной парковки и гаражи, прятаться в тени домов. Но медное сердце в его груди не давало ему покоя. Оно пульсировало, тянуло его вперёд, как магнит тянет железо. И стоило ему приблизиться к любой машине — даже к брошенному на обочине велосипеду — металл начинал отзываться.

Сначала это было едва заметно. Лёгкая вибрация, пробегающая по корпусу, как судорога. Потом — изменение цвета: тусклая сталь и выцветшая краска становились теплее, приобретали оттенок сырой плоти. Из швов между деталями проступала тонкая, полупрозрачная

плёнка — не кожа, но её жуткая имитация. Она была влажной, блестящей, пульсирующей в такт с медным сердцем Марка.

А потом машины начинали *звучать*.

Это не были привычные звуки моторов или скрипа дверей. Это были стоны. Тяжёлые, глубокие, полные голода. Они напоминали дыхание огромного спящего зверя, который наконец проснулся и теперь жаждал крови.

Марк остановился у старого пикапа, припаркованного у края тротуара. Он не хотел подходить, но его тянуло к нему, как будто медное сердце знало что-то, чего не знал он сам. Стоило ему сделать шаг вперёд, как капот пикапа дрогнул. Металл пошёл рябью, словно по воде пробежал ветер. Из-под решётки радиатора показалась тонкая нить чего-то розоватого — не то сухожилие, не то вена, пульсирующая в ритме, который Марк теперь чувствовал каждой клеткой своего стального тела.

Пикап застонал. Звук был низким, протяжным, похожим на вой голодного волка. И в этот момент Марк понял: машина *хочет*. Она хочет двигаться. Хочет охотиться. Хочет есть.

Он попятился, но было уже поздно.

Из переулка вышел прохожий — обычный человек в старой куртке, с сумкой через плечо. Он замер, увидев Марка, потом перевёл взгляд на пикап — и не успел даже закричать.

Капот пикапа распахнулся с резким, лязгающим звуком, похожим на щелчок челюстей. Из-под него вырвались тонкие, гибкие отростки — переплетение металла и живой ткани. Они обвились вокруг ног прохожего, стягивая его, как удав жертву. Мужчина закричал, но крик оборвался, когда один из отростков скользнул ему по лицу, сдирая кожу, как шелуху с варёного яйца. Кровь брызнула на асфальт, а пикап жадно втянул её, будто впитывая жизнь.

Марк хотел броситься на помощь, хотел закричать, хотел сделать хоть что-нибудь. Но его тело не слушалось. Стальная кожа сковывала движения, а медное сердце билось всё быстрее, подталкивая его вперёд, к новой машине, к новому заражению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.